

ФИЛИПП БАСТИАН

ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ

и всего остального

Филипп Бастиан
Взятие Бастилии и
всего остального

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69482143

SelfPub; 2023

Аннотация

Взятие Бастилии 14 июля 1789 года считается переломным моментом в истории не только Франции, но и всего мира и ярчайшим примером народного волеизъявления. Но кто именно захватил крепость?

Содержание

Филипп Бастиан

Взятие Бастилии и всего остального

Liancourt: Sire, la Bastille a été prise!

Louis XVI: La Bastille? Prise?

Liancourt: Oui, sire, prise par le peuple. Le gouverneur a été assassiné, et puis Flesselles. Leurs têtes ont été portées dans la revue bredouille.

Louis XVI: Mais, c'est une révolte!

Liancourt: Non, sire, c'est une révolution!¹

Взятие Бастилии 14 июля 1789 года до сих пор вдохновляет многих на то, чтобы попытаться перевернуть все вверх дном с надеждой на лучшее – а вдруг получится? У них же тогда получилось! У кого? У простых парижан, у санкюлотов, у народа – у тех, кого раньше и за людей-то нечасто считали. Но они захватили эту нависавшую над городом громадину, и меньше чем за пару лет от символа королевской власти и камешка не осталось – растаскали на сувениры.

Как же им это удалось? Ведь Бастилия была построена именно для того, чтобы контролировать Париж. И на протяжении 400 лет весьма хорошо выполняла свое предназначение.

¹ *Лианкур*: Сир, Бастилия взята!*Людовик XVI*: Бастилия? Взята?*Лианкур*: Да, сир, взята народом. Коменданта убили. И потом Флесселя. Их головы таскали в суматохе.*Людовик XVI*: Но это бунт!*Лианкур*: Нет, сир, это революция!

ние. В свое время занявшие ее фронтеры ружейным и артиллерийским огнем отогнали королевские войска. У кого крепость – у того и город. Как же спустя полтора столетия простым горожанам удалось то, что не удалось Анне Австрийской и кардиналу Мазарини?

История началась 12 июля 1789 года в Пале-Рояле – там обычно собирались все свободолюбивые и празднующие тогдашнего Парижа. На этот раз они взволнованно обсуждали отставку министра финансов Жака Неккера, популярного среди третьего сословия, и вероятность ввода королевских войск в город. И тут появился Камиль Демулен, нацепил себе на шляпу зеленую ленточку и призвал всех к оружию, пока не поздно. И все, тоже нацепив зеленые ленточки, а кому не хватило, каштановые листики, побежали за оружием.

Его добывали два дня, грабя оружейные лавки, а потом Арсенал, правда, прока от приобретения было немного. Это в наши дни все просто – купил винтовку, к ней упаковку патронов, начитался Библии и пошел расстреливать попадающих на глаза грешников. А в конце XVIII века патронов еще не было, пули – отдельно, порох – отдельно. И находился он как раз в Бастилии.

Да, охранявший крепость гарнизон был небольшим – 82 инвалида и 32 швейцарца, но солдаты располагались на высоких толстых стенах, вооруженные артиллерией (30 пушек), а против них выступили горожане фактически с пал-

ками (незаряженными ружьями). Так что же произошло?

Сначала крепость штурмовать и не собирались. Отправили представителей на переговоры – отдайте порох по-хорошему. Комендант крепости маркиз де Лоне пригласил их на обед. Пока одни обедали, другие стояли у закрытых ворот и ждали. От голода настроение портилось. Кому-то померещилось, что к амбразурам подвели пушки, чтобы якобы стрелять по толпе (хотя де Лоне приказал как раз пушки отвести). Потом прошел слух, что представителей арестовали. Восставшие сумели опустить наружный мост (никем не охранявшийся) и ворвались во внутренний двор. У де Лоне нервы не выдержали, и он приказал открыть огонь. Результат – 98 убитых и 73 раненых у нападавших и один раненый у защищавшихся. Таковы народные успехи.

А тут еще новость – к крепости идут войска. В общем, не судьба Камиллю Демулену через пять лет отправиться на гильотину – останется он в Бастилии! Ну хоть какой-то политический заключенный, а то на момент штурма в застенках томились лишь четыре фальшивомонетчика, два сумасшедших и один убийца.

Но войска, оказывается, шли на помощь не защищавшим Бастилию, а тем, кто на нее напал. На сторону восставших перешли солдаты полка Французских гвардейцев – 61 человек. Они приволокли с собой пять пушек, захваченных в Доме инвалидов, и предприняли штурм по всем правилам тогдашней тактики: к стенам крепости подогнали телеги с по-

дожженной соломой и под прикрытием дыма начали обстреливать прямой наводкой с трех направлений главный подъемный мост. Что против этого мог сделать гарнизон, большинство солдат которого – инвалиды, во главе с комендантом-истеричкой? Через два часа он поднял белый флаг. За время обстрела никто не погиб.

Так кто же взял Бастилию? Горожане, санкюлоты, вооруженные незаряженными ружьями и пиками, или лучшие профессиональные вояки тогдашнего Парижа – Французские гвардейцы, чей полк был основан еще в 1560 году Екатериной Медичи для охраны своего сына Франциска II и набирался именно из французов-простолюдинов, потому что дворянам, шотландцам и швейцарцам королева-мать уже не доверяла? И сразу появляется следующий вопрос – почему те, чьей основной обязанностью была защита французских королей, предали одного из них? Чем он им так не угодил?

У Французских гвардейцев, что брали Бастилию, было два командира – Жакоб Жоб Эли и Пьер-Огюстен Гюлен. Их биографии многое объясняют.

Эли родился в 1746 году. В 1766-м поступил в Аквитанский полк, в 1769 году участвовал в Корсиканской кампании, в 1770-м – в обстреле портовых городов Туниса. В 1774 году ушел в отставку, но в 1781-м вернулся на службу, уже в полк Королевы, и в ноябре стал сержантом, а в 1788 году – так называемым знаменосцем. Итак, находящийся в армии с 20 лет и участник боевых действий, Эли в 35 лет – сержант

и в 42 года – почти офицер. Блестящая карьера!

А Гюлен на момент взятия Бастилии вообще не служил в королевской армии. Он родился в 1758 году. В 1771-м (в 13 лет!) вступил в Шампанский полк, а в 1772 году перешел в полк Швейцарских гвардейцев, где в 1780-м стал сержантом. Но в 1787 году ушел в отставку и в конце концов устроился в Королевскую индустриальную прачечную – тогдашний сверхсовременный проект, поддерживаемый самой Марией-Антуанеттой. Вот это история! Гвардейский сержант стал прачкой.

А что произошло с почти офицером и сержантом-прачкой после того, как со своими товарищами и тысячей парижан они взяли Бастилию? Просто годы и звания.

Жакоб Жоб Эли: 1789 год – капитан, 1793 год – подполковник, бригадный генерал и дивизионный генерал.

Пьер-Огюстен Гюлен: 1789 год – капитан, 1795 год – шеф батальона, 1796 год – шеф бригады, 1798 год – полковник, 1803 год – бригадный генерал, 1807 год – дивизионный генерал.

Какой современный сержант за 12 лет, ну хорошо, за 23 года службы, пусть и в военное время, сможет стать дивизионным генералом? И кто не согласится ради такой головокружительной карьеры взять штурмом престарелую крепость да еще потом разобрать ее на камешки? А король?..

Про Людовика XVI сказано много, и плохого, и хорошего. И чем дальше в прошлое уходит конец XVIII века, тем

больше люди склонны полагать, что он был в общем-то хорошим человеком и не без способностей – говорят, внес пару улучшений в конструкцию ножа гильотины. Да, не очень решительным, но незлым и весьма благоразумным, особенно в сравнении с английским Георгом III, просто сошедшим с ума, или с дальними родственничками испанскими Бурбонами, устроившими из своей придворно-семейной жизни мыльную оперу на потеху всей тогдашней Европе. Но этот милый король, в образе жизни совершенный буржуа, верный муж и заботливый отец, любивший столярничать, когда не охотился, оказался пленником сословных предрассудков и в 1781 году фактически подписал себе смертный приговор. Он выпустил регламент, допускавший до офицерского звания только дворян в четвертом поколении (за исключением инженеров и артиллеристов). А таким, как Эли и Гюлен, оставалось лишь прозябание в нижних чинах или успешная карьера в индустриальной прачечной. Для сравнения, Петр I, тоже любивший столярничать, еще в 1721 году выпустил указ, фактически дававший любому, достигшему обер-офицерского звания, потомственное дворянство. Все наоборот – чтобы стать дворянином, достаточно было стать прапорщиком (знаменосцем). А милый король-буржуа просто остановил социальный лифт. И где? В армии!

Многие историки задавались вопросом, как так вышло, что бунт отребья с окраин Парижа во главе с безработными адвокатами превратился в революцию и перевернул жизнь

Франции, а заодно и всего остального мира? Ответ прост – его поддержали нижние чины армии, такие как Эли и Гюлен. Им осточертело годами тянуть ляжку, время от времени рисковать жизнью и лишь наблюдать, как не нюхавшие пороха молокососы-дворяне на их крови делают карьеру. К ним, как ни к кому иному, относятся слова Эммануэля Жозефа Сийеса из брошюры, опубликованной им в январе 1789 года:

Première question: «Qu'est-ce que le tiers état? – Tout!»

Deuxième question: «Qu'a-t-il été jusqu'à présent dans l'ordre politique? – Rien».

Troisième question: «Que demande-t-il? – À y devenir quelque chose!»²

Послужные списки Эли и Гюлена подтверждают, что после взятия Бастилии они стали действительно чем-то.

Дальнейшее событие, показывающее, кто был истинным двигателем Французской революции, – Поход женщин на Версаль 5–6 октября 1789 года. В Париже не хватало хлеба, и измучившимся в очередях женщинам пришла гениальная идея привезти в Париж «булочника, булочницу и поваренка» – короля, королеву и дофина, и тогда поставки муки в столицу наверняка возобновятся сами собой. К тому

² Первый вопрос: «Что такое третье сословие? – Все!» Второй вопрос: «Чем оно было в политическом порядке на настоящий момент? – Ничем». Третий вопрос: «Что оно требует? – Стать там чем-то!»

же в Версале собирались ненавистные аристократы, а офицерам Фландрского полка, что пришел на его защиту, устроили банкет, на котором те растоптали революционные кокарды и вообще всячески выражали роялистские настроения. Голодным парижанкам это не понравилось, и они пошли на Версаль. И даже потащили с собой пушки. И даже среди них были переодетые в женские платья мужчины. Но на Фландрский полк все это впечатления не произвело. Ворота дворца не открылись, и парижанкам не смогли помочь даже депутаты уже Национального собрания.

Но потом подошла Национальная гвардия во главе с маркизом де Лафайетом, героем Американской войны за независимость. Можно было не церемониться с измученными недоеданием женщинами (одна из них даже упала в обморок в присутствии короля), но солдаты Лафайета если и голодали в своей жизни, то нечасто. Желаящий вступить в Национальную гвардию должен был экипироваться за свой счет, поэтому в нее в основном шли молодые люди из обеспеченных семей, по меньшей мере сыновья тех самых булочников. А еще адвокатов и даже фабрикантов и банкиров. А еще профессиональные военные, оставшиеся не у дел. В отряде Лафайета были те самые бывшие Французские гвардейцы, что взяли Бастилию и чей полк за это король распустил. И с ними Гюлен, уже в звании капитана. В общем, что не получилось у парижанок и депутатов Национального собрания, получилось у Национальной гвардии. Королевская чета пе-

ребралась из Версаля в Париж.

Штурм Тюильри, последней резиденции Людовика XVI, 10 августа 1792 года считается концом королевской власти. Осуществляли его вроде бы всем Парижем, но ударной силой штурмующих были так называемые федераты – провинциальные добровольцы, вступившие в Национальную гвардию, которая на третьем году своего существования уже была вполне боеспособна. Кстати, именно добровольческий батальон, прибывший из Марселя, принес с собой песню, позже ставшую известной как «Марсельеза».

Национальная гвардия же сыграла ключевую роль в установлении Якобинской диктатуры – 31 мая 1793 года она окружила здание, где заседал Конвент. И когда депутаты попытались покинуть его, тут же последовал приказ канонирам зажечь фитили. Его отдал явно не санкюлот.

А что же санкюлоты, которые и считаются истинными бойцами революции? Их знаменитые выступления, шествия, собрания, а еще самосуды, бесчинства, зверства:

Ah! Ça ira, ça ira, ça ira,
Les aristocrates à la lanterne.
Ah! Ça ira, ça ira, ça ira!
Les aristocrates, on les pendra!³

³ Ах, дело пойдет, пойдет, пойдет! Аристократов на фонарь. Ах, дело пойдет, пойдет, пойдет! Аристократов, их веревка найдет!

Да, зверствовали в основном именно они – убили маркиза де Лоне после взятия Бастилии, солдат Фландрского полка после проникновения в Версальский дворец, швейцарцев после штурма Тюильри. Но именно что после. А до того они были лишь на подхвате у гвардейцев, Французских, а потом Национальных, игравших ключевую роль в этих фактически боевых действиях в городской черте. Или все наоборот, и это военные поддерживали санкюлотов? В любом случае всякий раз, когда военные их не поддерживали, у тех не получалось ни черта. А уж когда военные выступали против санкюлотов... 17 июля 1791 года Национальная гвардия по приказу того самого Лафайета расстреляла безоружную демонстрацию на Марсовом поле. Друга народа Марата загнали в канализацию. После Термидорианского переворота 27 июля 1794 года в те парижские кварталы, где преобладали сторонники якобинцев, ввели войска, и чуть ли не на следующий день санкюлотов, эту пехоту революционного террора, стали просто избивать на улицах. И в последующие годы никакие выступления горожан успеха не имели. 3–5 октября 1795 года был подавлен роялистский Вандемьерский мятеж, 9–10 октября 1796 года – якобинский заговор Равных. 4 сентября 1797 года при поддержке армии Директория совершила государственный Переворот 18 фрюктидора, став фактически диктатурой. А 9 ноября 1799 года генерал Бонапарт, устроив Переворот 18 брюмера, убрал и ее. С этого момента в стране установился консулат – неприкрытый военный режим. По-

лучается, что все ключевые события Французской революции: взятие Бастилии, перевод королевской семьи из Версаля в Париж, взятие Тюильри, падение жирондистов, падение якобинцев, падение Директории – это цепочка военных переворотов. А все остальное – мишура? Этот пятилетний политический карнавал – лишь для отвода глаз?

События июня 1793 – июля 1794 года воспринимаются обычно не иначе как кровавым безумием. Они же все друг друга перебили! Революция пожирала своих собственных детей. Роялисты, фейяны, жирондисты, эберисты, якобинцы – все в конце концов были представлены господином Сансоном самой популярной даме тогдашнего Парижа – госпоже Гильотине. В провинции происходили события еще кошмарнее – в Нанте людей просто топили в баржах. Кто же остался в живых? Говорят, что лишь трусы и отъявленные мерзавцы, которые после Термидорианского переворота только тем и занимались, что набивали себе карманы. Но, например, Гюлена трусом назвать не получится. С 1790 по 1793 год он воевал в Северной армии и был ранен. Потом занимал различные посты, пока не был арестован Робеспьером «за мягкость». Значит, и мерзавцем он тоже не был. Ни трус, ни мерзавец, но Гюлен дожил до Термидорианского переворота и потом сделал прекрасную карьеру, как и многие другие сержанты, ушедшие в отставку полковниками, генералами, маршалами. Да, некоторые из них пострадают после возвращения Бурбонов: будут уволены из армии, осуждены и да-

же казнены, как это случится с маршалом Неем, а Гюлену, например, придется на время покинуть страну, что вполне объяснимо – Франция проиграет. Но в 1793–1794 годах почти никто из них не попал на конвейер гильотины (хотя Гюлен оказался на пути к ней). Они не стали хворостом для пожара революции. И в конце концов взяли все в свои руки.

Но почему они не сделали это сразу? Почему допустили целый год кровавого сумасшествия? Почему Национальная гвардия сбросила жирондистов и открыла путь якобинцам? Первые выглядели гораздо симпатичнее. Они были отнюдь не сторонниками жестких мер по отношению к кому бы то ни было и даже не против монархии. Но жирондисты держались так называемого федерализма – выступали за большую автономию провинций. А с другой стороны, по их же почину 20 апреля 1792 года была объявлена война Австрии. Правда, старая королевская армия уже оказалась недееспособной. Две трети офицеров эмигрировали. С таким удачным сочетанием внутренней и внешней политики Франция потеряла бы Эльзас и Лотарингию не в 1870 году, а, например, в 1793-м. И обязательно Корсику. И, может быть, Русильон, Наварру, Бургундию... С великодушными жирондистами Людовик XVI наверняка бы остался в живых и даже королем, и, скорее всего, не исключительно Иль-де-Франса, но определенно его королевство в размерах весьма бы сократилось. А кровавый Робеспьер как раз выступал против войны и за единство страны. Он не смог предотвратить первое,

но всеми своими изуверскими методами отстаивал второе. И пока якобинцы отправляли осужденных тысячами на гильотину, Гюлен, Эли и другие сержанты, ставшие офицерами вместо бежавших королевских, учили необстрелянных новобранцев воевать под прусским и австрийским огнем в буквальном смысле этого слова. Они создавали новую армию, и им пока было некогда разбираться с безумными адвокатами и беснующимися санкюлотами. Те обеспечивали им хоть какой-то тыл, и на том спасибо.

Но неистовство якобинцев не знало границ. На гильотину отправлялись и военные. Особенно после бегства Лафайета и Дюмурье. А революционная тактика стала давать плоды. Новая французская армия начала побеждать. И в терроре, страхом объединяющем страну и мобилизующем силы на ее защиту, больше нужды не было.

Чем известен полковник Шарль-Андре Мерда, смертельно раненный в Бородинском сражении и посмертно произведенный в бригадные генералы? Это он во время ареста Максимилиана Робеспьера прострелил тому челюсть. Еще одна блистательная карьера – из жандарма в генералы, пусть и посмертно. А примерно через два месяца после гибели Мерда чуть не погиб и Гюлен. Ему, как и 28 лет назад Робеспьеру, тоже прострелили челюсть.

Этот эпизод в жизни сержанта-прачки прекрасно показывает, какое значение может иметь личность в истории, даже если она не Наполеон Бонапарт. Некий генерал Мале, убеж-

денный республиканец, бежав из психиатрической лечебницы (где он находился с 1807 года за подготовку заговора против Наполеона), предъявил фальшивые документы одному из командиров Национальной гвардии и сумел убедить его солдат, что император погиб в России. И те вслед за заговорщиками бросились захватывать Париж, дабы восстановить республику. О малолетнем сыне Наполеона, наследнике, никто и не вспомнил. Были арестованы министр полиции и префект, занимались Сенат, казначейство, банк, городские заставы... В общем, все шло успешно, пока Мале не заявился к коменданту Парижа, а им был как раз Гюлен. Тот не поверил в то, что Наполеон погиб в России, и Мале, увидев сомнение на лице Гюлена, выстрелил в него. Мятежного генерала схватили, и к утру военный переворот был подавлен. Таков оказался сержант-прачка, получивший после выстрела Мале прозвище «Général bouffe la balle»⁴. Он встал на сторону восставших – и восстание свершилось, он воспротивился восставшим – и восстание провалилось. За что бы ни брался Гюлен, у него почти все получалось. Не зря Наполеон назначал его на особо важные посты – комендантом Вены, Берлина и наконец Парижа. Если бы не Гюлен, император французов из России вернулся бы, скорее всего, в республику.

А что у Гюлена не получилось? Не получилось спасти того самого маркиза де Лоне, которому после взятия Бастилии

⁴ «Генерал пулю жрал».

он гарантировал жизнь и отправил в ратушу, но по дороге напала толпа, и маркиза с еще шестью защитниками крепости убили. Голову де Лоне потом таскали на пике по Парижу. Несчастный маркиз считается одной из первых жертв революционного террора. Пятнадцать лет спустя, весной 1804 года, Гюлен попытается спасти жизнь герцогу Энгиенскому. Военная комиссия, а он будет ее председателем, осудит того на смерть. Не согласный председатель сделает все, чтобы казнь была отменена, попытается организовать встречу осужденного с консулом Бонапартом. Не получится. Но он попытается.

На фоне террора, якобинского и роялистского, военные порой выглядят просто ангелами. Они ими, конечно, не были. Лион и Вандея тому свидетели. Но в целом именно военные в годы революции оказывались наименее склонными к проявлению чрезмерной жестокости и безумства. Можно не упоминать знаменитых палачей и наиболее известные примеры зверств, единичных и массовых. Но взять того же маркиза де Лоне, жертву. В свое время он купил должность коменданта Бастилии, посчитав это хорошим вложением капитала – мол, за пару лет службы затраты вернутся. Таковы были законы Французского королевства, позволявшие занять пост совершенно не подходящему для него человеку: в 1778 году де Лоне умудрился не отсалютовать в честь рождения королевской дочери, потому что не получил на то приказ (хотя того требовала традиция). Тем более у него не хватило

ни хладнокровия, ни ума, чтобы найти выход из ситуации 14 июля 1789 года. Мало того что де Лоне в приступе паники приказал открыть огонь по ворвавшимся во двор крепости горожанам, так еще под конец штурма вознамерился взорвать хранившийся в Бастилии порох. Разве он не понимал, что взрыв разнесет не только крепость, но и все прилегающие дома? Не мог представить себе последствия? Судя по тому, как он стал комендантом Бастилии, – нет. К счастью, это понимали офицеры гарнизона, не допустившие де Лоне к пороху. Получается, военные – и штурмовавшие Бастилию, и защищавшие ее – своими действиями предотвратили жуткое побоище, которое несомненно бы произошло, представь они горожан и маркиза самим себе. Военные спасли Париж.

А потом они спасли Францию. Чтобы страна не развалилась под совместным воздействием внешних врагов и внутренних смутьянов, монархию заменили на республику, а добрых жирондистов – на злых якобинцев. Когда же революционная армия окрепла, начала побеждать и в диктатуре, страхом сжимавшей страну в единый военный лагерь, уже нужды не было, неподкупного Робеспьера заменили на продажного Барраса и его директоров. Перенесли боевые действия за пределы Франции и превратили войну в весьма доходное предприятие. А так как никакие контрибуции не могли удовлетворить аппетиты коррумпированных термидорианцев, в конце концов решили избавиться и от них. Финалом

стал совершенно бескровный Переворот 18 брюмера, в котором самым пострадавшим оказался генерал Бонапарт. Его на Совете Пятисот уже начали бить, а может, и убили бы, не приди ему на выручку солдаты. Казалось, история повторилась – 23 июня 1789 года депутаты Национального собрания отказались разойтись по требованию короля, что озвучил маркиз Мирабо в своей реплике обер-церемониймейстеру Франции маркизу де Дрè-Брезе: «Allez dire à ceux qui vous envoient, que nous sommes ici par la volonté du peuple, et qu'on ne nous arrachera que par la puissance des baïonnettes!»⁵ «Ils veulent rester? Eh bien! Foutez, qu'ils restent!»⁶ – ответил Людовик XVI. Десять лет спустя несостоявшийся священник и будущий Неаполитанский король, а пока что дивизионный генерал Жоаким Мюрат оказался не столь беспечен и выполнил условие Мирабо. «Foutez-moi tous ce monde-là dehors!»⁷ – приказал он своим гренадерам. Те действительно двинулись в штыковую на членов Совета Пятисот, и депутаты сами начали выпрыгивать из окон. Так закончилась революция. К власти пришел Наполеон Бонапарт.

Его первой ступенью на вершину славы считается взятие Тулона 19 декабря 1793 года. А если выразиться иначе, осада Тулона неразрывна с именем Наполеона Бонапарта. Это

⁵ «Идите и скажите тем, кто вас послал, что мы здесь по воле народа и что нас вырвут отсюда только силой штыков!»

⁶ «Они хотят остаться? И хорошо! Пусть на хрен остаются!»

⁷ «Выкиньте мне отсюда всю эту публику!»

он убедил командование начать обстрел с моря, построил на берегу две батареи, подавил и захватил вражеские форты и в конце концов вынудил англо-испанскую эскадру покинуть бухту, тем самым отрезав город от снабжения, что привело к его сдаче. Он и никто другой. Если бы не капитан Бонапарт, Тулон остался бы в руках роялистов, и неизвестно, какая участь постигла бы революционную Францию в ближайшие месяцы. В этом убеждены все. Но точно так же знаменосец Эли под прикрытием дымовой завесы два часа методично вел огонь из пяти пушек прямой наводкой по главному подъемному мосту и в конце концов вынудил гарнизон Бастилии сдаться. Если бы не его навыки, приобретенные, очевидно, еще в 1770 году при обстреле портовых городов Туниса, парижане так бы и бегали вокруг крепости с пиками и незаряженными ружьями, а солдаты де Лоне с ее стен отстреливали бы их, как зайцев. Но в то время как осаду Тулона всегда связывают с Бонапартом, с кем связывают взятие Бастилии? С Эли, с Гюленом? Кто вообще о них сегодня знает, кроме профессиональных историков?

Взятие Бастилии – пожалуй, самый известный современный миф, впоследствии провоцировавший многих на политические глупости. Народ штурмовал крепость! Санкюлоты победили! И их последователи в разное время в разных частях света брали в руки оружие, но, толком не умея с ним обращаться, обрекали себя на гибель, пусть и славную. На самом деле те, кто действительно взял Бастилию, санкюло-

тами не были хотя бы потому, что в военную форму тогдашней эпохи входили кюлоты. Они вообще были хорошо одеты (гвардейские мундиры), умели великолепно ходить и держать себя (парады, караулы), а также стрелять, фехтовать и брать укрепления. Взяв Бастилию, они в конце концов получили и все остальное, в чем им, по их мнению, несправедливо отказывали: звания, должности, богатство и даже титулы. Жандарм Мерда стал бароном Империи, а сержант-прачка Гюлен – графом. И они хранили верность тому, кто их всем этим обеспечил... пока не появилась угроза потери приобретений. Когда весной 1814 года союзники уже вступили в Париж, Наполеон намеревался продолжать воевать – перенести боевые действия за Луару, фактически партизанить, но маршалы убедили его отречься, а затем присягнули вернувшимся Бурбонам. Правда, меньше чем через год часть их на 100 дней вновь примкнула к «корсиканскому чудовищу», чтобы покончить уже с «тиранией толстого короля». Уж кем-кем, а тираном Людовик XVIII не был. Двадцать три года он промышкался по чужим странам откровенной и порой нежелательной приживалкой, поэтому очень ценил возвращение домой и, будучи человеком в общем-то добродушным и неглупым, правил по принципу «живи сам и дай жить другим». Но он совершил ту же ошибку, что и его старший брат, закончивший жизнь на гильотине, – допустил ущемление прав военных. Массовые увольнения офицеров в отставку с половинным жалованьем, назначения на команд-

ные должности эмигрантов, которые если и проявили себя на войне, то в армиях врагов Франции... Кто же такое потерпит? И хоть далеко не все французы приветствовали возвращение Наполеона, его поддержали военные (в том числе Гюлен, опять ставший комендантом Парижа). Впрочем, не все. Многие остались лояльны Бурбонам и после повторного их возвращения благополучно служили им вплоть до 1830 года, когда тех уже окончательно выставили из страны.

В конце XVIII века во Франции армия стала формироваться не по профессиональному найму, а по всеобщему призыву, увеличившись кратно. Теперь военным ремеслом должен был владеть фактический каждый взрослый мужчина. Это и была истинная революция. И отныне военные обладали серьезной политической силой. Практически весь XIX век во Франции они регулярно устраивали уборку после очередного революционного беспорядка, часто выплескивая с грязной водой ребенка. Их пример оказался заразителен, и на протяжении последних двух веков большинством стран мира управляли именно военные, приходившие к власти путем переворотов, – от Симона Боливара и Антонио Лопеса де Санта-Анны до Пак Чон Хи и Аугусто Пиночета. Такую форму правления, оказавшуюся наиболее распространенной в Южной Америке, часто называют испанским словом «хунта», но это именно французское изобретение. И весьма популярное в глазах человечества, если судить по немеркнущей славе Наполеона Бонапарта. Такие его подражатели, как

Муамар Каддафи или Жан Бедель Бокасса, первое время тоже пользовались большим успехом (последний, кстати, в конце концов был коронован императором). А некоторые, вроде Франсиско Франко и Иосифа Броз Тито, не теряли его на протяжении всей карьеры. И, как правило, все начиналось со взятия своей Бастилии... даже если ей оказывался президентский дворец «Ла Монеда». Почему-то первое воспринимается всегда положительно, а второе – отрицательно. На самом деле разница лишь в том, что Пиночет, чьи войска штурмовали дворец, уже был генералом, а Эли и Гюлен, возглавившие штурм крепости, стали ими потом.